

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81:42

doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-125-133

ЧЕЛОВЕК В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

© *Ольга Сергеевна Брынина*

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Россия*

zemlya-ah@yandex.ru

Аннотация. Выявляются и описываются лингвокогнитивные способы репрезентации человека в научно-фантастическом дискурсе. На материале романа Ф. Герберта «Дюна» в оригинале и переводе выявлено, что событийность, внешние признаки героев, а также ценностные ориентации и действия персонажей получают актуализацию в структуре антропоцентров научно-фантастического дискурса. Определено, что лингвокогнитивные способы репрезентации человека научно-фантастического дискурса включают помимо портретных характеристик, лингвистических маркеров действий персонажей и событийности в целом, также изобразительно-выразительные средства (таковы сравнения и метафоры, парцелляция) и лингвистические механизмы, определяющие позицию субъекта характеристики в отношении объекта (например, восприятие персонажа с точки зрения другого героя). Репрезентация человека в его многообразных проявлениях формируется в научно-фантастическом дискурсе на основании предполагаемых фоновых знаний читателя, его обыденного и духовного опыта.

Ключевые слова: научно-фантастический дискурс, лингвокогнитивная организация дискурса, событийность, индивидуально-авторская картина мира, ценностно-смысловое пространство, персонаж, Ф. Герберт.

Для цитирования: Брынина О.С. Человек в научно-фантастическом дискурсе: лингвокогнитивные способы репрезентации // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 115. № 2. С. 125-133. doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-125-133

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Human in science fiction discourse: linguocognitive methods of representation

© *Olga S. Brynina*

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russian Federation

zemlya-ah@yandex.ru

Abstract. Linguocognitive methods of representing a person in science fiction discourse are identified and described. Based on the material of F. Herbert's novel "Dune" in the original and translation, it is revealed that eventfulness, external features of characters, as well as value orientations and actions of characters are actualized in the structure of anthropocenters of science fiction discourse. It is determined that linguocognitive methods of representing a person in science fiction discourse include, in addition to portrait characteristics, linguistic markers of character actions and eventfulness in general, also figurative and expressive means (such as comparisons and metaphors, parcelling) and linguistic mechanisms that determine the position of the subject of characterization in relation to the object (for example, the perception of a character from the point of view of another character). The representation of a person in his diverse manifestations is formed in science fiction discourse based on the supposed background knowledge of the reader, his everyday and spiritual experience.

Key words: science fiction discourse, linguocognitive organization of discourse, eventfulness, individual author's picture of the world, value-semantic space, character, F. Herbert.

For citation: Brynina O.S. Human in science fiction discourse: linguocognitive methods of representation. *The Humanities and Social Sciences*. 2026. Vol. 115. No 2. P. 125-133. doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-125-133

Введение

Художественный дискурс является особым типом дискурса, и его специфика заключается, прежде всего, в продуцировании фикционального по своим характеристикам мира. Автор не несет перед читателем никакой ответственности за ту эстетическую информацию, которую он воплощает в художественном дискурсе, что фактически снимает необходимость воспринимать ее как истинную или ложную. Как многомерный когнитивно-прагматический феномен, художественный дискурс отражает результаты взаимодействия языка, сознания и мышления участников эстетической коммуникации. Этот тип дискурса незамкнут, континуален, обладает открытой и лабильной структурой. Обращение к глубинным когнитивным процессам, которые обеспечивают понимание текстовых смыслов, опора на фоновые знания, предполагаемые автором у читателя, в совокупности с когнитивными данными, которые читатель извлекает из художественного текста, составляет компоненты художественного дискурса. В это когнитивное пространство включены также культурные коды автора и того общества, к которому он принадлежит в пространственно-временном, социокультурном и историческом контекстах [2; 5].

Научно-фантастический дискурс является особым видом художественного дискурса, а его смысловая доминанта заключается в репрезентации вымышленной реальности, воплощающей ценностную картину мира языковой личности автора в фантастических формах «возможных миров» для активного воздействия на читателя [10]. Научно-фантастический дискурс обладает прогностическим потенциалом, он претерпевает в своих характеристиках значимые изменения под воздействием социально-политических факторов и достижений научно-технического прогресса в XIX–XX вв. [7]. Актуальность изучения научно-фантастического дискурса обуславливается интересом современной лингвистики к тексту и дискурсу как результатам речемыслительной деятельности человека, а также к многообразным способам воплощения картины мира и ценностных смыслов в текстово-дискурсивном пространстве [3; 6; 8].

Методика исследования, включающая метод наблюдения, сравнительно-сопоставительный метод, метод лингвистического моделирования, методы когнитивно-семантического анализа и филологической интерпретации, применялась к материалу исследования, роману Ф. Герберта «Дюна» в оригинале [12] и переводе [4], комплексно.

Основная часть

Для научно-фантастического дискурса свойственно функционирование лексико-семантической системы лингвокреатем, которые объединяются в тематические номинативные кластеры «Действия и состояния», «Объекты и предметы», «Институциональные установления», «Измерения времени и пространства», «Социальные отношения» и «Термины освоения космического пространства» и некоторые другие [11]. Однако все эти тематические кластеры необходимы в научно-фантастическом дискурсе не сами по себе, а для раскрытия многообразных проявлений человека в изменяющемся мире будущего, что обуславливает необходимость выделения в нем устойчивых антропоцентров, характеризующихся особой лингвокогнитивной организацией [7]. Эти антропоцентры обнаруживают синтез научного знания и фантастического начала, что детерминирует апелляцию к прогностическому потенциалу научно-фантастического дискурса [9]. Именно внимание к человеку обуславливает все более возрастающий интерес читателей и исследователей к научной фантастике как отдельному жанро-видовому образованию художественной литературы.

Образ человека в научно-фантастическом дискурсе постулируется в координатах аксиологических оппозиций *человек – природа* и *человек – техногенный фактор*, которые характеризуются особыми лингвокогнитивными стратегиями. Эти лингвокогнитивные стратегии отражают диахронический процесс развития науки в формате традиционных теорий знания, причем в научно-фантастическом дискурсе обе оппозиции позволяют осмыслить развитие общества и человека в нем, в том числе и в апокалиптическом ключе. Роман Ф. Герберта «Дюна» характеризуется реализацией обеих аксиологических оппозиций, а человек оказывается перед выбором – идти дальше по пути технического прогресса при том, что природа бу-

дет сопротивляться этому поступательному или взрывному развитию, либо совершенствовать окружающий мир медленно, усилиями целых поколений, либо вовсе оставить ли природу в покое, не пытаясь подчинить ее, и приспособиться самому к ней.

Лингвокогнитивная организация научно-фантастического дискурса непротиворечиво направлена на воплощение образов персонажей, закономерно обусловливаемых творческим замыслом и ценностной картиной мира автора. Поэтому логично предположить, что лингвокогнитивные способы репрезентации человека в научно-фантастическом дискурсе обнаруживают тесные связи с теми ценностями и смыслами, которые включены в культурное пространство художественного текста как целостную систему предметов, обычаев, социальных норм, форм и способов общения, а также способов деятельности. В культурном пространстве романа «Дюна» активно развивается событийность, и поэтому совершенно недостаточно рассматривать персонажей исключительно с позиций выявления их внешних признаков и ценностных ориентаций: важно, что каждый из основных героев проходит этапы усвоения этических норм и моральных смыслов в условиях новой для себя планеты: так происходит и с Полом Атрейдесом, и с леди Джессикой, и с герцогом Лето. М.М. Бахтин правомерно указывал в этой связи: «Культурные ценности суть самоценности, и живому сознанию должно приспособиться к ним, утвердить их для себя <...> Этим путем живое сознание становится культурным, а культурное воплощается в живом <...> Всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте» [1, с. 37–38].

Лингвокогнитивные способы репрезентации человека в научно-фантастическом дискурсе закономерно обусловлены антропоцентризмом этого вида дискурса, который раскрывается в событийности, которой обуславливается развитие действия романа. Так, в эпизоде спасения работников краулера от неминуемой гибели в пасти песчаного червя можно отметить решимость герцога Лето, ни минуты не сомневавшегося в том, что необходимо, пусть и с риском для собственной команды сопровождения, для себя лично и своего сына Пола, помочь рабочим: *“He hauled back on the controls as the ‘thopter glided in beside the crawler. The wings tipped up, braked the ‘thopter to a skidding stop within twenty meters of the factory. The crawler was silent now, no sand spouting from its vents. Only a faint mechanical rumble issued from it, becoming more audible as the Duke opened his door. Immediately, their nostrils were assailed by the odor of cinnamon – heavy and pungent. With a loud flapping, the spotter aircraft glided down to the sand on the other side of the crawler. The Duke’s own escort swooped in to land in line with him. Paul, looking out at the factory, saw how all the thopters were dwarfed by it – gnats beside a warrior beetle”* [12] / «Он направил топтер по плавной дуге вниз, к краулеру. Крылья, изогнувшись, остановили этот нырок метрах в двадцати над землей. Топтер плавно скользнул вниз. Краулер теперь безмолвствовал, песок уже не валил из труб. Внутри него что-то глухо громыало. Когда герцог открыл дверь, грохот усилился. Сразу же в ноздри ударил запах корицы, тяжелый и едкий. Хлопая крыльями, с другой стороны краулера приземлились аппараты группы наблюдения. Собственный эскорт герцога уже выстроился в цепочку. Поглядев на фабрику, Пол теперь понял, какими крохотными оказались все топтеры рядом с краулером, – словно комары рядом с бронированным жуком» [4, с. 120].

В приведенном макроконтексте особо выделим наименования технических средств (*thopter / топтер, crawler / краулер*), которые закономерно включены в описание человеческой деятельности, при этом в приведенном текстовом фрагменте важны вовсе не техногенные факторы: наибольшим значением обладает обращение к фоновым знаниям читателя, что маркировано лексически и синтаксически: например, *the odor of cinnamon – heavy and pungent / запах корицы, тяжелый и едкий* (именно так пахнет специя, и Ф. Герберт неслучайно избирает именно этот ольфакторный показатель, ведь запах корицы знают все, поэтому читателю будет несложно воссоздать в своем воображении происходящее в романе). Очевидно, что и обращение к возможностям метафоризации также определяют восприятие героев и читателя: *The wings tipped up, braked the thopter to a skidding stop within twenty meters of the factory / Крылья, изогнувшись, остановили этот нырок метрах в двадцати над землей.*

Когнитивным потенциалом обладают и сравнения, которые также оказывают влияние на формирование антропоцентричного научно-фантастического дискурса: *Поглядев на фабрику, Пол теперь понял, какими крохотными оказались все топтеры рядом с краулером, – словно комары рядом с бронированным жуком / Paul, looking out at the factory, saw how all the thopters were dwarfed by it – gnats beside a warrior beetle.*

Взаимоотношения между персонажами воссозданы в романе Ф. Герберта в соответствии с тем, что значимо для обыденного опыта его читателя. Так, впервые увидев Преподобную мать Гайю Елену Мохайем, Пол воспринимает ее, как и должен воспринимать подросток – с недоверием и враждебностью: *“By the half-light of a suspensor lamp, dimmed and hanging near the floor, the awakened boy could see a bulky female shape at his door, standing one step ahead of his mother. The old woman was a witch shadow – hair like matted spiderwebs, hooded 'round darkness of features, eyes like glittering jewels”* [12] / *«В исходящем почти от пола тусклом свете притененного плавающего светового шарика пробудившийся мальчик увидел у двери дородную женскую фигуру, позади которой стояла мать. Старуха была похожа на призрак ведьмы: спутанная паутина волос, в глубокой тени, под капюшоном, поблескивают опалы глаз»* [4, с. 9]. В приведенном макроконтексте показателем иного, отличного от современного читателю мира является только плавающий световый шарик (*suspensor lamp*), при этом отсылка к прецедентному феномену, архетипическому в своей сущности, – универсальному для человечества представлению о ведьме в данном фрагменте весьма показательна: *The old woman was a witch shadow – hair like matted spiderwebs, hooded 'round darkness of features, eyes like glittering jewels / Старуха была похожа на призрак ведьмы: спутанная паутина волос, в глубокой тени, под капюшоном, поблескивают опалы глаз.* Само положение в пространстве матери Пола и Преподобной матери свидетельствует о главенстве прибывшей на Каладан Гайи Елены, и это не только настораживает Пола, но и усиливает читательский интерес к последующим событиям.

Сдержанность Пола, его героическая стойкость не исключает изумления, которое он испытывает перед неизведанным. После того, как он успешно прошел испытание на человечность, выясняется, что никаких следов пыткой нечеловеческой, нестерпимой болью на его руке нет: *“He jerked his hand from the box, stared at it astonished. Not a mark. No sign of agony on the flesh. He held up the hand, turned it, flexed the fingers <...> Paul felt his left hand aching, uncurled the clenched fingers, looked at four bloody marks where fingernails had bitten his palm. He dropped the hand to his side, looked at the old woman”* [12] / *«Он резко выдернул руку и в изумлении уставился на нее. Ничего! Ни малейшей отметины, никаких признаков терзавшей плоть смертной боли <...> Пол почувствовал вдруг боль в левой руке, разжал кулак и увидел четыре кровавых отметины там, где ногти впивались в ладонь. Уронив руку вдоль тела, он поглядел на старуху»* [4, с. 15, 16]. Отметим в этом макроконтексте не только метафорическое сочетание *No sign of agony on the flesh / никаких признаков терзавшей плоть смертной боли*, усиливающее воздействие текста на читателя, при этом в тексте оригинала метафоризация усилена парцелляцией (*Not a mark. No sign of agony on the flesh*). Важна для характеристики персонажа и эмоциональная реакция Пола: он не испытывает страха перед Преподобной Матерью – напротив, в нем только гнев (*He dropped the hand to his side, looked at the old woman / Уронив руку вдоль тела, он поглядел на старуху*).

Нельзя обойти вниманием и те характеристики персонажей, которые в определенной степени подготавливают читателя к тому, что собой представляет их характер и дальнейшие, обусловленные этим характером, действия, поступки, определяющие событийность романа. Интересны с точки зрения лингвокогнитивной организации научно-фантастического дискурса те микро- и макроконтексты, которые отражают не позицию нейтрального повествователя, а отношение самого персонажа к другому герою. Например, герцог Лето так воспринимает свою наложницу, леди Джессику, мать своего наследника: *“Under the pressure of his stare, she turned half away, exposing her profile. And he realized there was no single and precise thing that brought her beauty to focus. The face was oval under a cap of hair the color of polished bronze.*

Her eyes were set wide, as green and clear as the morning skies of Caladan. The nose was small, the mouth wide and generous. Her figure was good but scant: tall and with its curves gone to slimness. He remembered that the lay sisters at the school had called her skinny, so his buyers had told him. But that description oversimplified. She had brought a regal beauty back into the Atreides line. He was glad that Paul favored her” [12] / «Джессика чуть отвернулась под внезапно отяжелевшим взглядом, став к Лето боком. И герцог вдруг понял, что красота этого лица не сводилась к единственной черте. Овальное лицо под шапкой волос цвета полированной бронзы. Широко расставленные глаза – зеленые и чистые, как утреннее небо Каладана. Небольшой нос, широкий благородный рот. Стройная и худая, чуть ли не тощая. Лето припомнил, что сестры Ордена звали ее худышкой. Это сообщили ему покупщики. Но любое описание было бы слишком упрощенным: Джессика вновь влила в кровь Атрейдесов величие королей. Он всегда радовался, замечая, что Пол похож на нее» [4, с. 52].

Эпитеты (*Her eyes were set wide / широко расставленные глаза, the nose was small, the mouth wide and generous / небольшой нос, широкий благородный рот, her figure was good but scant: tall and with its curves gone to slimness / стройная и худая, чуть ли не тощая, the color of polished bronze / цвета полированной бронзы*), сравнения (*as green and clear as the morning skies of Caladan / глаза зеленые и чистые, как утреннее небо Каладана*), метафорические сочетания (*under a cap of hair / под шапкой волос, had brought a regal beauty back into the Atreides line / влила в кровь Атрейдесов величие королей*) – все эти изобразительно-выразительные средства направлены на передачу впечатления, которое оказывает на герцога не только красота леди Джессики, но и ее внутренняя сила, благородное спокойствие и харизма (*no single and precise thing that brought her beauty to focus / красота этого лица не сводилась к единственной черте*).

Важными являются и портретные характеристики, позволяющие читателю воссоздать образ конкретного героя, например: “*As he had approached the solitary figure standing near the ornithopter, Leto had studied him: tall, thin, dressed for the desert in loose robe, stillsuit, and low boots. The man’s hood was thrown back, its veil hanging to one side, revealing long sandy hair, a sparse beard. The eyes were that fathomless blue-within-blue under thick brows. Remains of dark stains smudged his eye sockets*” [12] / «Подходя к этой одинокой фигуре у орнитоптера, Лето разглядывал стоящего – высокий, худой, в свободном балахоне, конденскостюме и низких сапогах. Капюшон его был откинут назад, лицевой клапан сдвинут в сторону, открыв длинные волосы песочного цвета, редкую бороду. В глазах под густыми бровями светилась та же синева в синеве. Они были обведены кругами пыли» [4, с. 106]. Приведенный макроконтекст – это восприятие Кайнса герцогом Лето, для которого такая внешность планетолога непротиворечиво свидетельствует о том, что он не только полностью адаптировался на Дюне, но и вовсе не сочувствует власти Императора. Свободный балахон, удобка, конденскостюм, низкие сапоги – все это облик фримена, к тому же отсутствие белков в глазах Кайнса (*blue-within-blue / синева в синеве*) говорит о том, то планетолог постоянно принимает специю, как это и принято у фрименов.

Интересно, что Ф. Герберт не ограничивается только восприятием одного героя другим. Он приводит в этом эпизоде также осмысление внешних проявлений (в том числе, и внешнего облика) Кайнса Полом Атрейдесом: “*He had Kynes now – tune of voice, each detail of face and gesture. An unnatural folding of the left sleeve on the man’s robe told of a knife in an arm sheath. The waist bulged strangely. It was said that desert men wore a belted sash into which they tucked small necessities. Perhaps the bulges came from such a sash – certainly not from a concealed shield belt. A copper pin engraved with the likeness of a hare clasped the neck of Kynes’ robe. Another smaller pin with similar likeness hung at the corner of the hood which was thrown back over his shoulders*” [12] / «Кайнс был записан теперь в его памяти: тон голоса, черты лица, каждый жест. Небольшой бугорок на левом рукаве балахона – там нож в ручных ножнах. Грудь тоже странно вздымалась. Говорили, что в пустыне на поясе носят необходимые вещи. Судя по всему, под балахоном скрывалась всякая всячина, но никак уж не сило-

вой щит. На шее одеяние Кайнса было сколото медной булавкой с гравированным зверьком наподобие зайца. Другая булавка со схожим изображением свисала с уголка капюшона, отброшенного за плечи» [4, с. 112–113]. Очевидно, что в этом макроконтексте автору удается достичь двух целей: он продолжает описание Кайнса, одного из значимых героев романа, не рискуя утомить читателя однообразием внутренней речи исключительно герцога Лето. В то же время автор манифестирует в данном контексте наблюдательность Пола Атрейдеса, которая является следствием не только его воспитания, но и дара пророчества и бремени мессианства, которые наследник герцога Лето пока не осознает. Высказывание *He had Kynes now – tune of voice, each detail of face and gesture / Кайнс был записан теперь в его памяти: тон голоса, черты лица, каждый жест* дает возможность читателю понять, что ничто не укроется от внимательного взгляда Пола, к тому же упоминание зверька наподобие зайца (*likeness of a hare*) создает определенную повествовательную перспективу: именно этого зверька, который живет в пустыне Дюны и похож не только на зайца, но и на мышь, Пол выберет в качестве своей эмблемы и второго, фрименского, имени: “*MUAD'DIB: the adapted kangaroo mouse of Arrakis, a creature associated in the Fremen earth-spirit mythology with a design visible on the planet's second moon. This creature is admired by Fremen for its ability to survive in the open desert*” [Herbert: URL].

Кроме того, Ф. Герберт благодаря образу Кайнса приводит и отстраненное, не обусловливаемое какими-либо эмоциями, притязаниями, враждой и прочими эмоциональными оттенками, восприятие планетологом Атрейдесов – герцога и его сына: “*Kynes sat back, thinking about the water-fat flesh he had felt beneath the stillsuits. They wore shield belts over their robes, slow pellet stunners at the waist, coin-sized emergency transmitters on cords around their necks. Both the Duke and his son carried knives in wrist sheathes and the sheathes appeared well worn. The people struck Kynes as a strange combination of softness and armed strength. There was a poise to them totally unlike the Harkonnens*” [12] / «Кайнс откинулся назад, думая о пропитанной водой плоти под этими костюмами. Поверх балахонов они надели пояса щитов, на поясах – капсульные станнеры, на шеях – монетки передатчиков срочного оповещения. И у герцога, и у сына в наручных ножнах виднелись ножи. Ножны были заношены. Вид этих людей удивил Кайнса странной смесью мягкости и мощи. Они совсем не походили на Харконненов» [4, с. 110]. Особо выделим в этом макроконтексте высказывание *thinking about the water-fat flesh he had felt beneath the stillsuits / думая о пропитанной водой плоти под этими костюмами*: на планете Дюна вода является главным богатством, при том, что именно специя представляет главный коммерческий интерес для тех, кто владеет Дюной. При этом у Кайнса Атрейдесы вызывают любопытство, в котором нет презрения или страха, и не случайно он сравнивает их с предыдущими владельцами Дюны – Харконненами. Именно мягкость и мощь (*combination of softness and armed strength*) – те качества Атрейдесов, которые отмечает наблюдательный Кайнс, и эти качества помогут Полу выжить и победить.

Приведем также и текстовый фрагмент, в котором совершенно отчетливо маркированы качества характеров Кайнса и герцога Лето: “*«You're the ecologist,» the Duke said. “We prefer the old title here, my Lord,” Kynes said. “Planetologist.” “As you wish,” the Duke said. He glanced down at Paul. “Son, this is the Judge of the Change, the arbiter of dispute, the man set here to see that the forms are obeyed in our assumption of power over this fief.” He glanced at Kynes. “And this is my son.” “My Lord,” Kynes said. “Are you a Fremen?” Paul asked. Kynes smiled. “I am accepted in both sietch and village, young Master. But I am in His Majesty's service, the Imperial Planetologist.”*” [12] / «– Вы zdeшний эколог? – Мы предпочитаем здесь старый титул, милорд, – сказал Кайнс, – планетолог. – Как угодно, – ответил герцог. Он поглядел вниз на Пола. – Сын, это судья перемены, разрешитель споров, поставленный здесь, чтобы все было выполнено правильно во время перехода к нам власти над файфом. – Он глянул на Кайнса. – А это мой сын. – Милорд, – сказал Кайнс. – Вы из Вольного народа? – спросил Пол. Кайнс улыбнулся: – Я здесь свой и в ситче, и в деревне, молодой господин, но я слуга его величества – планетолог Империи» [4, с. 106].

Кайнс придерживается требований официального общения, называя себя старым титулом «планетолог» при том, что герцог склонен к более точным наименованиям обязанностей и профессий. Кайнс держится настороже, он пока не знает, каково отношение к нему нового правителя Дюны. Этот макроконтекст также отчетливо демонстрирует недоверчивость Кайнса и всего фрименского населения: *I am accepted in both sietch and village, young Master. But I am in His Majesty's service, the Imperial Planetologist / – Я здесь свой и в ситче, и в деревне, молодой господин, но я слуга его величества – планетолог Империи*. Особо подчеркнем, что в приведенном фрагменте представлены термины, которые маркируют хронотопические ценности и корреляции с ними ценностного статуса человека (*Judge of the Change, the arbiter of dispute / судья перемены, разрешитель споров, power over this fief / власти над фэйфом, in sietch / в ситче*). Среди приведенных здесь маркеров научно-фантастического дискурса наибольшей информативной нагрузкой обладают термины *fief / фэйф* и *sietch / ситч*: «СИТЧ – фрименское слово, означающее «место сбора в момент опасности». Поскольку фримены так долго жили во всякого рода опасностях, это слово и стало обозначать любой пещерный поселок» [4, с. 484]. Интересно, что термин *фэйф* лишен у Герберта своего определения, поскольку читатель должен сам, исходя из контекста, сделать вывод о том, что фэйф – это владение, которым одаривает Император, для получения налога с пользования ресурсами фэйфа.

Заключение

Воздействие научно-фантастического дискурса обуславливается его обращением к вечным универсальным ценностям: человек у Ф. Герберта, показанный в новом времени далекого будущего, в неизведанном пространстве космоса, все так же многопланов, находится в поисках самого себя, стремится соответствовать этическим образцам или, напротив, вовсе отказывается от них. Образы персонажей обуславливают формирование лингвокогнитивной организации научно-фантастического дискурса и функционирующих в нем ценностей и смыслов, важных для читателя.

Выводы

Лингвокогнитивные стратегии воссоздания образа человека в научно-фантастическом дискурсе развиваются в рамках ценностных по своим онтологическим характеристикам оппозиций *человек – природа* и *человек – техногенный фактор*, которые многообразно манифестируют индивидуально-авторскую картину мира в фантастических формах «возможных миров» с целью прагматического воздействия на для активного воздействия на ценностную картину мира читателя.

В процессе исследования было установлено, что лингвокогнитивные способы репрезентации человека коррелируют с ценностями и культурными кодами, воплощаемыми в событийности научно-фантастического дискурса, в описании внешности, характера и действий персонажей. Бесспорно, к лингвокогнитивным способам, направленным на формирование антропоцентров научно-фантастического дискурса, необходимо отнести и изобразительно-выразительные средства (сравнения и метафоры, парцелляцию), а также различные лингвистические механизмы, позволяющие манифестировать позиции субъекта характеристики в отношении объекта (таково, например, восприятие персонажа с точки зрения другого героя). Важно при этом, что взаимоотношения персонажей, культурные коды и ценностные смыслы воссозданы Ф. Гербертом при опоре на предполагаемые фоновые знания читателя, его обыденный и духовный опыт.

Список источников

1. Бахтин М.М. К «философии» поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. С. 9–69.
2. Бразговская Е.Е. Языки и коды. Введение в семиотику культуры: Учебное пособие. Пермь: Пермский государственный университет, 2008. 201 с.

3. *Виноградов С.Н.* К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте культуры. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. С. 93–97.
4. *Герберт Ф.* Дюна: Дюна; Мессия Дюны; Дети Дюны / Пер. с англ. Ю. Соколова, А. Анваера. М.: Изд-во АСТ, 2021. 1040 с.
5. *Григорьева В.С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2007. 288 с.
6. *Демьянков В.З.* Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1992. С. 39–77.
7. *Иняшкин С.Г.* Американский научно-фантастический дискурс XX века // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2011. Вып. 1. С. 14–17.
8. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов / Под ред. Е.Ф. Серебренниковой. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
9. *Малышев Д.А., Воронцова Т.И., Меняйло В.В.* Многоаспектность образа человека в современной научной фантастике // LXXV Герценовские чтения. Иностранные языки. Сборник научных статей международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–15 апреля 2022 года). СПб.: Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, 2022. С. 76–80.
10. Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX–XXI вв. / Отв. ред.: Шарыпина Т.А., Полуяхтова И.К., Меньщикова М.К. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. 465 с.
11. *Рыльщикова Л.М.* Типология лингвокреатива в научно-фантастическом дискурсе // Дискурс-Пи. 2016. № 14 (3-4). С. 127–134.
12. *Herbert F.* Dune. – URL: https://royallib.com/read/Herbert_Frank/Dune.html?ysclid=md4oq2m960396442366#0

References

1. *Bakhtin M.M.* Towards the “philosophy” of action // Bakhtin M.M. Works of the 20s. Kiev: Next, 1994. P. 9-69.
2. *Brazgovskaya E.E.* Languages and codes. Introduction to the semiotics of culture: A textbook. Perm: Perm State University, 2008. 201 p.
3. *Vinogradov S.N.* Towards a linguistic understanding of value // Russian literature in the context of culture. Nizhny Novgorod: Publishing House of Nizhny Novgorod State University, 2007. P. 93-97.
4. *Herbert F.* Dune: Dune; The Messiah of Dune; The Children of Dune / Translated from English by Y. Sokolova, A. Anvaera. M.: AST Publishing House, 2021. 1040 p.
5. *Grigorieva V.S.* Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects. Tambov: Publishing house of TSTU, 2007. 288 p.
6. *Demyankov V.Z.* Cognitivism, cognition, language and linguistic theory // Language and structures of knowledge representation. M.: Publishing House of INION RAS, 1992. P. 39-77.
7. *Inyashkin S.G.* American science fiction discourse of the twentieth century // Bulletin of the Moscow State University. Series: Linguistics. 2011. Issue 1. P. 14-17.
8. Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings / Edited by E.F. Serebrennikova. M.: THESAURUS, 2011. 352 p.
9. *Malyshev D.A., Vorontsova T.I., Menyailo V.V.* The multidimensional nature of the human image in modern science fiction // LXXV Herzen Readings. Foreign languages. Collection of scientific articles of the international scientific conference (St. Petersburg, April 14-15, 2022). St. Petersburg: Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2022. P. 76-80.

10. Paradigms of transitivity and images of the fantastic world in the artistic space of the XIX–XXI centuries / Ed. by Sharypina T.A., Poluyakhtova I.K., Menshchikova M.K. Nizhny Novgorod: Publishing House of the N.I.N.N. State University. Lobachevsky, 2019. 465 p.
11. Rylshchikova L.M. Typology of linguistic createms in science fiction discourse // Dis-course-Pi. 2016. No.14 (3-4). P. 127-134.
12. Herbert F. Dune. – URL: [https://royallib.com/read/Herbert_Frank/Dune.html ?ysclid=md4oq2m960396442366#0](https://royallib.com/read/Herbert_Frank/Dune.html?ysclid=md4oq2m960396442366#0)

Статья поступила в редакцию 11.12.2025; одобрена после рецензирования 24.12.2025; принята к публикации 24.12.2025.

The article was submitted 11.12.2025; approved after reviewing 24.12.2025; accepted for publication 24.12.2025.